

ПОДЗАБОРЫЕ

Станислав
Сыроватко

Станислав Сыроватко

Подзаборье

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Сыроватко С.

Подзаборье / С. Сыроватко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Принимаю, как могу, и добро, и горе, загораю на снегу, мерзну в теплом море. И, наверное, не зря я душой немойтой лишь с позиций живота понимаю сытость. Помню в детстве ото всех в уголку, за печкой ограждал свой край земли запрещенной свечкой. Деньги, муж-жена, все – в дом, где тебя не знают, партбилет, все – на потом, свое место в стае... Не заметишь, как согнет жизнь в павлиньих перьях... Одиночество. Диван. Куры. И деревня.

© Сыроватко С.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пробуждение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Станислав Сыроватко

Подзаборье

*Даже в детстве, от чужих,
В уголке, за печкой,
Ограждал свой край земли
Запрещенной свечкой...*

Рождение человека. Таинство, сопряженное с кровью, грязью, великим страданием, непередаваемым восторгом для роженицы и ужасом свершившегося для младенца, спешащего своим криком выразить всю глубину протеста перед нами, заставившими его войти в этот страшный в своей нелогичности мир.

Он скорбит, но не оплакивает свою судьбу, потому что еще не до конца понимает всю гадость сотворенного с ним, что рождение есть начало с предначертанным концом, что когда-то он, как и дети, ушедшие за счастьем, не найдет его, хотя все сказки сулили успех, что он будет следовать застывшим формам и бояться потока, хотя именно он – поток – неповторим и только он может вынести на чистые луга.

И совсем неважно, с какой стороны он взберется на свою вершину. Важно, чтобы он ее достиг, потому что на этом пути нельзя догнать бабочку слоновой рысью.

Он всегда будет слепо следовать странному понятию, заключенному в слове «судьба», не совсем понятному и пугающему своей таинственностью. Будет и алкоголь, умноженный на тоску и тем самым превращающий его в животное. Придет понимание, что считает зерна не сеятель, а собирающий урожай, что великое творчество человека само по себе прекрасно, но результат его деятельности на Земле очевиден и непригляден, потому что не бывает человека без тени.

Пройдут годы... Многое будет начато, но не закончено, а то, что будет закончено, оставит только пустоту. Говорят, что любое событие обязательно произойдет, дело только в числе попыток, и эти попытки будут совершаться – упрямо, бессмысленно, бесцельно. А когда силы уже будут оставлять его, станет понятно, что только крепкие корни приносят спелые плоды. В попытке найти их, эти корни, в свое время он вернется к родным пепелищам, но ничего не найдет там такого, что изменило бы его судьбу, тем более, что он сам совершил этот поджог...

Здесь начало, здесь и конец. Сказано, что уснувший пожелает, проснувшийся найдет.

Пробуждение

Сумрачно, слабый свет горящих свечек, гулкие капли воды, эхо. Какие-то странные звуки, совсем не похожие на привычные, закрепленные в подкорке, голос матери и того, что ее окружало. Скорее, на протяжные завывания то ли ветра, то ли какого-то сказочного существа.

Конечно, ребенок не знал ни того, ни другого, еще не мог понять, что именно способно издавать такие звуки, потому что никогда еще малым своим осознанием их не воспринимал. Эти не поддающиеся расшифровке гул и мерцание каким-то странным образом пробуждали первые ощущения мира и почему-то заставили войти в него уже не биологическим объектом пеленания и кормления, а еще не сформировавшимся человеком с первыми запоминающимися реакциями.

Запахи... Он привык к запаху казенных хлорных лагерных пеленок и материнской груди, которую опустошал необычно быстро, жадно и многократно, так, что этого ему было недостаточно, и подруги-роженицы с удивлением и любопытством помогали матери своим молоком.

Звуки... Он слышал и, безусловно, не запоминал лай сторожевых псов, сигналы лагерного распорядка, шарканье ног строя людей, вырванных из жизни по прихоти или злему умыслу негодяев, да и по собственной глупости, вполне объяснимой нищетой, голодом, бесправием, когда «авось пронесет...» становилось сильнее страха наказания. Хотя различия в способе существования между лагерем и остальным миром заключались исключительно в степени свободы передвижений и регулярности питания, предусматривающего завтрак, обед, ужин, и примерно такого же по качеству и разнообразию, но совсем не по расписанию.

Все это составляло привычный естественный фон, поэтому появившиеся вдруг звуки стали стрессом, вызвавшим пробуждение психики ребенка.

Слышались постоянный бас и некие причитания странно одетых людей в длинных сложно устроенных желто-черных балахонах, местами слабо отсвечивающих. На них почему-то не было серых больничных халатов и грязно-синих комбинезонов заключенных, привлекаемых к уборке лагерного детского дома, в котором такие обстоятельства никоим образом не приводили к снижению иммунитета и росту заболеваемости орущих, голодных, мокрых обитателей деревянных полок. Их было очень мало, этих обитателей, но они заявляли о себе, вопреки всему, доказывая, что жизнь будет всегда находить возможность продолжения, как цветок на камне.

Они, эти звуки, были настолько упорядочены и выстроены так безупречно, что у ребенка напрочь пропали необходимость и желание размахивать руками и ногами, а большой палец, накрепко всосанный беззубым ртом, не давал возможности нарушить эту гармонию. Звуки заполняли все пространство.

Запахи... Непривычный горячий аромат плавящегося воска, горящего трута, ладана и чего-то необъяснимого с резким сундучным запахом одежды странных, все время что-то поющих людей был настолько необычным, что его не смогла уничтожить даже льющаяся на голову ребенку вода, и в сочетании со звуками он побеждал ужас окунания в ванну.

Спокойствие пришло только после окончания омовения, когда и запахи, и звуки, по меркам ребенка, были уже далеки и тельце его кто-то чем-то сушил. Тогда он не заорал, а замычал с обидой на тех, кто лишил его этой радости, и продолжал жадно втягивать так удивившие его запахи.

Вскоре раздались громкие вибрирующе-поющие звуки колокола, закрывшие эту часть зарождающейся жизни в свою оболочку и погрузившие ребенка в привычное бессознательное, длившееся вплоть до переезда из Соловецких лагерей в Украину, в город Харьков.

Принято считать, что ребенок видит многое, скрытое от нас, что он обладает восприятием не только себя самого, но и связи с окружающим миром. Что напоминает слепцов, кото-

рые не видят сны, но слышат и ощущают их. Возникало странное волнение, когда ребенок смотрел, не мигая, прямо в зрачки.

К тому же он никогда не кричал, исключая, пожалуй, момент появления на свет.

Сам факт его рождения не был спланирован, а стал результатом вспышки чувств, казалось бы, совершенно чужих людей со сложной судьбой, такой судьбой, которая некогда развела их по разные стороны действительности, на всю жизнь оставив чувство невосполнимой утраты и одиночества, сопровождавших их независимо от обстоятельств.

Сосуд был открыт разбитием, черепки же никогда нельзя было сложить, спасая содержимое.

С молоком матери эти ощущения были впитаны ребенком и на генном уровне стали одной из черт, определяющих его жизнь. Как безумие порождает только безумие, так и неожиданное счастье, сопряженное с потерей общепринятого представления о счастье, не было способно породить в нем ничего такого, что могло бы стать следствием обдуманных и сытых действий.

Этот период его жизни не мог иметь притягательные точки: как минус отталкивается от минуса, так и плюс отталкивается от плюса. Он не мог ничего приобрести, как, впрочем, и потерять, потому что нельзя потерять то, чего не имеешь.

Все, происшедшее в Новгородском Кремле, осталось на всю жизнь как одно из нестираемых воспоминаний.

При этом таинстве присутствовали только мать и служители церкви, и именно тогда там было произнесено имя Олег. Отец был далеко, недостижим, и о нем не следовало говорить, что и продолжалось всю жизнь у человека с дубликатом свидетельства о рождении, выданном Усть-Вымским (г. Межог) отделением регистрации актов гражданского состояния.

Не однажды Олег видел какие-то странные сны: густой лес, чистые реки, удивительный воздух, океан с серой пенящейся холодной водой и белыми строениями с куполами на прибрежных островах. Вживую ощущал запах свежей ухи, грибов и ягод. Себя не видел, но отчетливо обозначал свое присутствие во всем и чувствовал необъяснимую щемящую тоску.

В семье он был старшим; всего детей было трое. К нему редко обращались по имени, а отец – не иначе как «сэр», и эта отстраненность, ущербность и детское одиночество выталкивали его из однокомнатной, с сениями, квартиры в полуподвал без удобств с угольной печкой в углу, во двор, где всегда можно было найти занятие в подвалах, сараях, на крышах пристроек, среди детей и животных, живших в этом дворе-колодце.

Олегу не пытались рассказывать историю его рождения, хотя сам он часто фантазировал, как белый медведь на льдине продавал его, как нашли его в лесу, в чьей-то норе и всякое такое, что рационально нельзя было объяснить. И откуда все бралось? Причем, такие фантазии Олег доверял только совершенно чужим людям, не имевшим к нему никакого отношения. В своем же кругу он был замкнут, нацелен на себя, говорил мало, а до двух лет вовсе молчал и произносил только странные слова, значения которых никто понять не мог.

Еще не понимая этого, по-детски ощущал, что он чужой, что в нем нет никакой необходимости, разве только в тех случаях, когда из церкви приходили бородатые люди, интересовались его жизнью и, видимо, что-то оставляли родителям, потому что в их приход внимание отца к мальчику зашкаливало. Что он приемный в большой семье, Олег не догадывался, только почему-то становилось обидно, а потом и привычно, когда какие-то обновки доставались в первую очередь не ему, а младшим, когда за столом тарелка с супом перед ним оказывалась в последнюю очередь, да и особой настойчивости пригласить его за стол никто не проявлял.

Мать, постоянно занятая бытом, работой, подработками (она хорошо шила и имела большую клиентуру копеечных заказчиц), ведущая борьбу с туберкулезом, полученным в лагерях, а также с экземой руки, заработанной в цеху фабрики, выпускавшей ужасную обувь, не позволяла, да и не могла позволить себе какие-либо сантименты по отношению к Олегу, как, впро-

чем, и к младшим, – просто тянула и тянула свою лямку. Хотя была красива, достаточно развита, прекрасно танцевала и была солисткой какого-то ансамбля, давно, до лагеря.

Как, почему, за что? Олег Владимирович узнал эту историю значительно позже, когда имел возможность подключить свои многочисленные связи в специфических властных кругах и когда его настоящий отец дал о себе знать перед кончиной в далекой Франции. История достаточно банальна, типична для того времени, хотя заслуживает детального изложения ввиду множества эпизодов, вполне бы потянувших на хороший роман. Если коротко, то нужен был отец, а мать была использована для того, чтобы сломить его. Это удалось. Потом ее отпустили за ненадобностью, и она должна была как-то выживать с ребенком на руках. Вот и возник кормилец, к которому она никогда не относилась как к близкому человеку.

Он токарил на военном заводе, хорошо зарабатывал, был там в почете (с его слов) и поэтому несколько заносчив, воевал с Японией по малолетству, любил попеть про артиллеристов, которым Сталин дал приказ. Только вот в окружение матери он никак не мог вписаться: его не принимали ни Дарья, ни сестры, ни красивые чистые подруги, посещавшие мать и дававшие ей заказы, распространявшие вокруг себя ароматы различных «Красных Москвей». С ними, как правило, все разговоры матери заканчивались на стадии «А помнишь, как ты...» и заморившими глазами. У кормильца же, очевидно, происходило обильное слюноотделение, на которое подруги реагировали с пренебрежением, а мать – безразлично.

Когда же Олег был уже достаточно взрослым, самостоятельным и отдельно живущим молодым человеком, в семье появился еще и четвертый ребенок, брат Сергей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.